

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

Владислав Иноземцев
Вперед, Президент!

Анатолий Фомин
Станет ли Украина
большой Галичиной?

Юрий Воронин
Россия и мировые
экономические кризисы

Михаил Троицкий
Глобальный регионализм
и внешняя политика
России

Александра Московская
Профессионализм,
доверие и проблемы
России

Наталья Панкевич
Мегаполисы
в поисках суверенитета

Джулия Эветтс
Новые вызовы доверию
и профессионализму

Владимир Возняк
Мышление. Учение.
Воспитание

Вальтраут Шелике
Нужен ли нам
Маркс?

Вячеслав Морозов
Запад без кавычек

Ирина Звягельская
Меняющиеся балансы

а также рецензии и обзоры
С. Самуйлова, Е. Гамма, А. Малькова,
А. Бельчука, Е. Жариковой, С. Ушанова

2009 / № 11 (1606)

Нужен ли нам Маркс?

В моей домашней библиотеке была когда-то книга «Гегельянство на службе фашизма». Такого рода произведения сегодня даже открывать не стоит — нелепо искать истоки человеконенавистнической теории у великого философа. Книга появилась в годы войны с фашистской Германией, когда в пылу ненависти к врагу в ход пускалось все что угодно. Гегель «имел несчастье» быть немцем, вот и попал в то время под горячую пропагандистскую руку. В апологеты фашизма был зачислен тогда и Ницше, а заодно низвергнут Шопенгауэр. Да что там философы, если в немилости оказался даже великий Вагнер потому только, что Гитлеру нравилась музыка этого немецкого композитора!

С подобными передержками наше общественное сознание справилось довольно быстро. К тому же многие интеллигенты и в то тяжелое время не сочли для себя возможным участвовать в постыдном шабаше невежества и конъюнктурищины. Но нашествие варваров на культуру прошлого вовсе не столь случайно, как это может показаться. Всегда, во все времена крутых поворотов истории они сопровождалась бурей и натиском эмоций, захлестывавших общественное сознание и искажавших истину. В волнах агрессивно наступающей новой идеологии разбиваются имена прежних властителей дум и выносятся на гребни людского признания новые кумиры. Так было и после Октябрьской революции, и нет нужды напоминать, кого тогда выкидывали за борт истории в буквальном смысле, а кого превращали в новое божество — тоже в буквальном смысле слова. Сегодня мы исправляем прошлые ошибки и пытаемся воздать должное великим мученикам религии, стараемся восстановить имена русских философов, бившихся над вопросами о судьбах России, стремимся вернуть в нашу культурную жизнь наследие загубленных тюрьмой или водкой поэтов, сделать доступными картины загнанных в безвестность художников. Праведное дело.

Однако попутно мы с рвением и остервенением, переполненные чувствами негодования и ненависти, низвергаем и затаптываем в грязь прежних кумиров. Едва ли не самый яркий пример — Карл Маркс. Для многих он стал сегодня «апологетом тоталитаризма», состоящим «на службе сталинизма».

И вообще из-за злонамеренности большевиков, поставивших эксперимент осуществления на практике марксовы идей, он объявлен первопричиной всех несчастий России. Современная российская интеллигенция, в студенческие годы вместо первоисточников вынужденная читать скучнейшие учебники по истмату, в массе своей и имени Маркса слышать теперь не хочет.

В итоге мы оказываемся свидетелями еще одного крутоворота интеллектуального приспособленчества к идеологическим стереотипам, что ничего общего не имеет с поиском и обретением истины, хотя кому-то происходящее и может показаться таким поиском. Ведь чтобы низвергать, надо по крайней мере знать, что действительно думал и писал Маркс, а не то, как трактовал марксизм тот или иной автор советского учебника. Думается, пора уже вырваться из заколдованного круга нового манипулирования общественным сознанием. Пришло время осознать, что цель такого манипулирования неизменна — создать у людей счастливую иллюзию того, что текущий этап истории и есть наконец та полноводная река, которая несет наш корабль по пути спасения человечества. Чтобы разобраться в сложнейших перипетиях прошлого и настоящего, необходимо для начала хотя бы с уважением отнестись к великим мыслителям, посвятившим свои жизни постижению законов истории, поиску путей снятия противоречий доставшейся им действительности; осознать, что ими было достигнуто, а в чем и почему были допущены ошибки и просчеты.

Отлучение от мировой сокровищницы культуры философов масштаба Гегеля, как во время войны, или Маркса, как это происходит сегодня, лишает новые поколения драгоценных зерен познания процессов развития человечества, мешает решать насущные проблемы действительности, обрекая политиков и простых граждан вновь и вновь наступать на те же грабли. А уроки истории порой бывают очень жестокими.

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СЕГОДНЯ в целостном, взаимозависимом и полном противоречий мире процессы ставят перед человечеством ряд глобальных проблем, от решения которых в конечном счете зависят судьбы всех и каждого на нашей планете. Является ли способ жизни так называемого «золотого миллиарда» людей всемогущей матрицей, фиксирующей найденный наконец-то путь к вселенской свободе и счастью? Многие полагают: да, это и есть единственная дорога цивилизации, несмотря на то что она сегодня усеяна войнами, пугает колоссальным разрывом между богатством и бедностью, зиждется на неравенстве людей и народов. По мнению других, эта дорога в конечном счете приведет к самоуничтожению человечества в результате ядерной катастрофы, разрушения атмосферы или иных природных катаклизмов, вызываемых неудержимой деятельностью человека в погоне за прибылью.

А коммунизм? Что это: извечная утопия о желанном, но неосуществимом царстве Божиим на земле, в реальности, однако, загоняющая людей в гулагов-

ский ад, а государственную систему — в сталинский тоталитаризм? Многие полагают: да, это так, коммунизм — это путь к гибели цивилизации. Но другие уверены: пусть первый опыт построения социализма действительно был неудачным, но надо идти именно этим путем, ибо только в условиях коммунизма человечество сможет устранить войны, угнетение, безнравственное неравенство людей и народов, издевательство над природой. И многое, полагают они, было достигнуто в этом направлении уже при первом, семидесятилетнем опыте строительства социализма. «Мир может быть иным!» — под таким девизом, полный надежд на лучшее будущее, начал деятельность Всемирный социальный форум, уже который год собирающий под своим крылом готовых искать пути выхода из сегодняшнего, кризисного состояния человечества. Естественно, каждый и здесь ищет и предлагает выход соответственно своему умению и разумению, попадая то в самую точку, а то и пальцем в небо.

Поиск, разногласия, идейная свистопляска — таково ныне состояние общественного сознания, и не только в одной, отдельно взятой стране, но и в мире в целом. На таком фоне столкновения идей в мире снова нарастает интерес к Марксу. «Маркс возвращается» — под таким девизом в январе 2006 года опубликована серия выступлений на состоявшейся в Берлине XI Международной конференции имени Розы Люксембург, посвященной поискам альтернативы современному состоянию мира. А журнал «Шпигель» не так давно сообщал, что около 50 процентов немцев — как восточных, так и западных, — считают критику Марксом капитализма актуальной и сегодня. Осознание сохраняющейся актуальности многих марксовых идей особенно усилилось в период поразившего мир экономического и финансового кризиса.

Конечно, у людей, отождествляющих теорию Маркса с убогими советскими учебниками по истмату, уже готов ответ на поставленный в заголовке вопрос: Маркс нам не нужен! Это их право, тем более что освобождение от вульгарного марксизма — дело действительно благое. Но и тот, кто все еще «твердо придерживается марксизма», усвоенного когда-то в далекие студенческие годы, может скривить рот, ибо для него позорна уже сама постановка вопроса: «нужен ли нам Маркс?». А не обнаружив в статье привычных, буквально въевшихся в голову постулатов о базисе и надстройке, бытии и сознании, противоречии между производительными силами и производственными отношениями и т. п., просто отмахнется, сочтя, что перед ним «еще одна ревизия марксизма». А жаль, ибо Маркс несравнимо более сложен и глубок, нежели трактовали его в советское время всевозможные догматики и начетчики, а знаем мы его все еще очень плохо.

ЧТОБЫ ВОСПОЛНИТЬ ПРОБЕЛЫ, хотелось бы прежде всего обратиться к методологии (алгоритму) первого великого открытия, сделанного Марксом в 1844—1846 годах: материалистической теории истории, обеспе-

чивающей целостность анализа предмета всей марксистской теории. Эта целостность достигается таким образом, что каждый используемый категориальный ряд по мере восхождения от абстрактного к конкретному не только не утрачивает ее, но и обогащает и углубляет. Такой анализ позволяет выявить и некоторые из истоков краха, который потерпели первые попытки построения социализма в XX веке. Без этого невозможно найти действительную, а не умозрительную альтернативу современному капитализму и осознать, нужна ли она нам.

Первым делом следует уяснить, что, собственно, было для К. Маркса и Ф. Энгельса в 1844—1846 годах предметом их исследования. Если обратиться к соответствующей литературе, то ответ на этот, казалось бы, элементарный для любой другой научной дисциплины вопрос поражает разбросом мнений. Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть любой прежний учебник по истмату или по марксистской философии. Между тем сами Маркс и Энгельс никаких загадок на сей счет вовсе не загадывали и уже в самом названии своей теории обозначили ее предмет — историю как «практический процесс развития человечества». Более того, они четко определили

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. I. М., 1980. С. 5.

в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории... историей... людей нам придется заняться...»¹ Что движет историей? Откуда

берутся у людей именно те, а не иные идеи? Как возникают альтернативы тому или иному историческому пути? Эти вопросы встали перед совсем юными Марксом и Энгельсом, как стоят они сегодня и перед нами, ибо время, в котором им довелось жить, тоже было переломным.

Тогда, в середине XIX века, в Англии уже 200 лет развивался капитализм и становились очевидными как достижения, так и язвы капиталистической действительности. Достижения вызывали восторг, язвы — ужас. Уже вспыхивали первые бунты бедняков, чья жизнь становилась все более невыносимой, возникали первые организации обездоленных. А в студенческих кружках того времени жарко дебатировался вопрос: почему наслаждение жизнью одними людьми сопровождается обезчеловечиванием жизни других? Совсем недавно завершилась Французская буржуазная революция, закончились войны наполеоновской Франции, потерпел поражение заговор коммуниста Гракха Бабефа, мечтавшего о воцарении равенства в мире. Чем обернулся в действительности прекрасный лозунг «Свобода, равенство и братство» великой революции, теперь тоже было уже очевидным, породив горькое разочарование и тяжелое расставание с иллюзиями.

И наконец в 1844—1846 годах, когда Маркс и Энгельс задумались над судьбами человечества, в Европе уже повеяло революциями 1848—1849 годов. Накалявшаяся предреволюционная атмосфера, стремление уяснить будоражившие умы вопросы заставили их с головой окунуться в изучение теории: анализировать различные взгляды их современников, штудировать

труды гениальных предшественников. Проделав гигантскую по объему работу, молодые люди оставили «грызущей критике мышей» свои рукописи, служившие им лабораторией для формирования собственной теории. Для себя ответы на вопросы о движущих силах истории человечества они получили. Первое великое открытие — материалистическое понимание истории — было ими сделано. Теперь его авторам предстояло действовать.

Свое открытие Маркс и Энгельс оставили потомкам в виде золотых россыпей, разбросанных по страницам черновиков их рукописей, так в то время и не изданных. А в 1848 году уже на основе сделанных ранее открытий они написали популярное, предельно простое, дабы оно было понятным рабочим, произведение «Манифест коммунистической партии». Конечно, в манифесте не могло «поместиться» все богатство новой теории истории, а главное — не были обозначены исходные посылки и целостность метода построения теории. И нам остается искать в работах 1844—1846 годов «связку ключей», которыми Маркс и Энгельс последовательно, одну за другой, открывали для себя двери в историю человечества.

При этом обнаруживается, что каждый «ключ» имел собственную нарезку и по-своему открывал дверь. Но каждый раз при новом повороте каждого нового ключа история человечества сразу представляла перед исследовательским взором в своей целостности. Правда, по мере восхождения от абстрактного к конкретному — на разных уровнях ее познания. «Ключами» служили целостные категориальные ряды, своего рода «первоклеточки», где каждая такая абстракция, по выражению Маркса, играла роль, подобную таковой микроскопа в естествознании. И на каждом уровне познания этот «микроскоп», добавляя резкости, позволяет все глубже «видеть» предмет, неизменно предстающий перед исследователем в виде единого целого.

В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙНЫХ ПОИСКОВ и исторических задач своего времени Маркс и Энгельс изначально рассматривают историю как *жизнь* человечества, которая возникает и самовозрождается через отношения человека с миром. *Человеческое отношение к миру* — самое абстрактное отношение, охватывающее предмет анализа в его целостности. Всеобщий алгоритм каждого отношения человека к миру Маркс раскрывает в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», а затем совместно с Энгельсом — в «Немецкой идеологии». Каждое человеческое отношение к миру состоит из единства двух взаимосвязанных, неразрывных сторон: отношений людей к природе, в процессе которых люди обрабатывают природу, и отношений людей к людям, в процессе которых люди обрабатывают людей. Важно подчеркнуть, что человеческое (*menschliche*) означает не только то, что человеческое отношение присуще человеку (человечеству), но и то, что оно носит человеческий характер или по крайней мере может (и должно) быть человеческим.

Но в реальной человеческой жизни, как это известно каждому, есть место как *человечным*, так и *обесчеловеченным* (entmenschte) отношениям. Человеческие отношения к миру и присущие им противоречия между человеческими и обесчеловеченными отношениями — это не плод фантазии. Они зримо присутствуют в человеческой жизни, присущи истории человечества, вернее — характерны для предыстории человечества, в которую Маркс и Энгельс включают весь процесс практического процесса развития человечества, предшествующий коммунизму.

Нетрудно заметить: полон противоречий между человеческими и обесчеловеченными сторонами жизни людей и первый опыт построения социализма в XX веке. А это служит сегодня одним из объективных источников диаметрально противоположных оценок «реального социализма». Последние два десятилетия истории России также приносят наглядные доказательства того, что практический процесс развития человечества и сегодня осуществляется таким образом, что, преодолевая одни формы обесчеловечивания жизни, люди одновременно создают его новые формы. Но мало констатировать наличие данного противоречия. Необходимо найти его истоки. Это нужно для того, чтобы понять: обречено ли человечество на вечное самовозрождение обесчеловечивания своих отношений с миром, или это закономерно только для предыстории человечества и мир действительно может стать иным?

Без ответа на эти вопросы любая альтернатива современному обесчеловечиванию жизни людей будет постоянно порождать новую обесчеловеченность и, соответственно, будут происходить революции, поскольку,

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. С. 447.

как отмечал Маркс, социальная революция исходно представляет собой «протест человека против обесчеловеченной жизни»². Не могу не удержаться от вопроса: приходилось ли кому-нибудь встречать в учебниках по истмату такие определения, касавшиеся хотя бы социальной революции? Уверена, никто не встречал! Но почему они выпали из массовых учебников? Не потому ли, что, рассматривая советскую действительность через призму человеческих отношений к миру, читатель нацеливался бы и на то, чтобы обнаружить в своей жизни при социализме явные противоречия? Наряду с человеческим, что всячески пропагандировалось, в той жизни было и много обесчеловеченного, что властями тщательно затушевывалось. А это могло кого-то привести к выводу о необходимости еще одной революции...

Однако на основе использования только категории «человеческие отношения к миру», алгоритм которых присущ каждому конкретному отношению людей к людям и людей к природе, невозможно в силу его предельной абстрактности объяснить *действительно существующий мир*. Как и невозможно вскрыть ни подлинные источники подмены человеческих отношений обесчеловеченными, ни истоки возникновения в окружающей нас действи-

тельности новых человеческих отношений. Для этого требуется переход на более конкретный уровень анализа жизни людей в практическом процессе развития. Существенное значение в данном случае играют сформулированные Марксом и Энгельсом всеобщие определения *действительности*.

Известно, что каждая научная теория предполагает определенные исходные посылки. От их выбора зависит судьба дальнейшей разработки теории: в состоянии ли она целостно отражать предмет анализа, или же ее уделом станет одностороннее рассуждение на вольную тему, в лучшем случае способное выделить какие-то случайные стороны предмета анализа? Авторы советских учебников по истмату почему-то «не увидели» у Маркса и Энгельса исходных посылок жизни людей в действительности.

Между тем в «Немецкой идеологии» такие исходные посылки четко обозначены. Причем авторы подчеркивали, что это не догмы, не умственные фантазии, а *действительные посылки*, отвлечься от которых можно только в воображении³. Таких посылок, подчеркивали они, три: 1) действительные (*wirkliche*) индивиды; 2) акции их деятельности (*Aktion*) и 3) материальные условия их жизни, как найденные в виде предшествующих (*vorgefunden*) поколений людей, так и созданные (*erzeugten*) их собственными акциями деятельности. В результате возникает целостная «*первоклеточка*» *человеческой действительности*. Необходимо заметить, что каждая сторона исходных посылок определяется двумя другими, одновременно являясь составной частью каждой из двух остальных*.

Но исходные посылки не только таковы, что ни одна сторона не может быть понята вне двух других. Ни одна из сторон этой клеточки к тому же не является определяющей, поскольку сама вне двух других не существует в действительности. Последнее следует подчеркнуть особо. Это нужно для того, чтобы преодолеть распространенные стереотипы о *материалистическом* понимании истории, согласно которым материальные условия (в другом варианте — «бытие», «базис»), характеризуемые как нечто существующее *вне* действительных индивидов и вне их деятельности, в таком усеченном виде принимаются за якобы определяющий фактор в истории человечества. Такая односторонность противоречит целостности определений существующей действительности, строящейся на основе открытой Марксом и Энгельсом исходной целостной «клеточки».

Сведение действительности к материальным условиям жизни людей, существующим вне действительных индивидов и вне их деятельности, легко приводит к фаталистическому взгляду на историю. В соответствии с ним, людям не следует предпринимать никаких активных действий в собственной жизни. Надо лишь безропотно подчиняться меняющимся материаль-

* Подробнее об этом см.: В. Ф. Шелике. Об исходных посылках материалистического понимания истории в работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология». — «Научные доклады высшей школы. Философские науки». 1981. № 3.

ным условиям жизни, выступающим в качестве единственного, фаталистически заданного фактора исторического процесса. При такой трактовке роли материальных условий жизни они воспринимаются в виде чуждой, стоящей над людьми силы и фактически неосознанно заменяют Бога, черта, идеи и другие потусторонние силы наподобие Абсолютного духа. Они вне воли самих людей, вне их собственной деятельности будто и определяют действительную человеческую жизнь. Из истории в таком подходе начисто выпадают индивиды с их страстями, желаниями, представлениями, потребностями. А главное — индивиды выпадают вместе с собственной деятельностью, меняющей материальные условия жизни, а вместе с тем изменяющей и себя.

ТРИ ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ обозначают пути выявления на первичном и наиболее абстрактном уровне всей совокупности противоречий, являющихся источником обезчеловечивания жизни людей. Источники возникновения и существования последней надо искать как в самих индивидах, так и в их деятельности, а также в материальных условиях их прошлой и настоящей жизни, не отрывая при этом одну сторону от другой. Точно так же (на основе целостной «первоклеточки») следует искать и альтернативу, снятие обезчеловеченности, поскольку человеческая жизнь в действительности тоже создается не на небесах, а исходит от действительных индивидов, создается их деятельностью и существует в материальных условиях их жизни, как прошлой, так и настоящей.

Ни одна сторона исходной «первоклеточки» действительности не может быть оторвана от другой; все три взаимообусловлены, и, повторю это еще раз, каждая определяется состоянием двух других и сама входит составной частью в каждую из сторон. А потому опасность уже упомянутой абсолютизации материальных условий жизни состоит и в том, что порождает иллюзию возможности преодоления обезчеловеченности жизни людей посредством изменения одних лишь материальных условий их жизни политическим путем. При этом, однако, сохраняется прежний характер и действительных индивидов (в частности, характер их потребностей), а также прежний характер их собственной деятельности (в первую очередь отчужденный характер их труда).

В таком заблуждении о превалирующей роли материальных условий жизни — один из источников краха первого опыта социализма. Так, например, хорошо известно, что первая попытка «введения социализма» осуществлялась путем уничтожения частной собственности и превращения ее в собственность государственную. Но такой политический акт, направленный, как казалось, в самое сердце экономики, не сопровождался снятием для огромного большинства трудящихся отчужденного характера их труда,

доставшегося им из прошлого. Рабочий по-прежнему стоял у станка, крестьянин продолжал в поте лица своего пахать землю, то есть сам процесс труда оставался физически тяжелым, душевно безрадостным.

И вот парадокс: при строительстве «социализма» отчужденный характер труда даже умножался и углублялся соответствующей государственной политикой «сверху». Достаточно напомнить, что наивысшим пиком усиления отчужденного характера труда в условиях этого строительства стал подневольный труд заключенных в ГУЛАГе, силами которых велось немало строек социализма. Но и на воле трудящиеся оказывались в тисках: в колхозах крестьян, по существу, стремились пожизненно прикрепить к деревне невыдачей паспортов и лишали прежнего права самим распоряжаться собственным рабочим временем. За них все решали бригадир, председатель колхоза, секретарь райкома партии. В городе рабочих тоже пытались пожизненно закрепить за предприятием — предоставлением заводского жилья, увеличением пенсии за непрерывность рабочего стажа, всеобщим ограничением смены места работы с помощью жестких ограничений прописки и общественного осуждения «летунов».

Естественно, люди всяческими правдами и неправдами старались обходить эти «социалистические» правила труда, в том числе стихийно выражая свой протест против обезчеловечивания их жизни работой спустя рукава. Но, как подчеркивали Маркс и Энгельс, коммунистическая революция и отличается тем, что «при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым... тогда как коммунистическая революция выступает против существующего до сих пор *характера* деятельности»⁴. Надо отметить, что к середине XX века задачу ликвидации отчужденного характера труда никакой социализм решить и не мог, причем по многим причинам. Одна из них заключается в следующем: была предпринята попытка строительства только первой, переходной, фазы, неизбежно отягощенной язвами прошлого и далеко еще не являющейся коммунизмом. Тем не менее и на той исторической ступени в СССР была ликвидирована неграмотность, введено всеобщее обязательное бесплатное среднее образование. А дети прикрепленных к земле или к станку работников имели право, а главное — реальную возможность получать бесплатное высшее образование, чтобы вернуться в колхоз агрономом, а на завод — инженером. Определенная часть детей колхозников и рабочих уходила в райкомы партии или в государственные учреждения и, успешно сделав карьеру, приобщалась к реальному управлению делами государства. И если не непосредственно кухарка, то, во всяком случае, дети «иной кухарки» действительно на всех уровнях становились во главе государственных органов.

Вполне естественно, что для многих людей даже первый опыт строительства социализма создавал в их воображении человечную (в их понима-

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1. С. 31–32.

нии!) действительность. Дело в том, что он частично изменял характер их деятельности и материальные условия существования, создавая перспективу более человеческой жизни для следующих поколений, ради чего родители и были готовы отдавать свои силы. Но в действительности, например, те же новые управленцы и члены их семей, вырвавшиеся из тисков прошлой жизни в городе и деревне, оказывались в новой опасности — попасть в мясорубку репрессий, проводимых государственным аппаратом, частью которого они уже стали. Кроме того, его «Величество Выполнение Плана», становившееся дамкловым мечом в руках вышестоящих управленцев, вынуждало любого рядового управленца ради спасения карьеры прибегать к массовому очковтирательству в отчетах о выполнении этого плана. Уже эти примеры говорят: вряд ли можно назвать человеческими условиями жизни даже таковую управленческую часть действительных индивидов.

К сказанному надо добавить, что сохранение и умножение отчужденного характера труда для большинства действительных индивидов неизбежно предполагали применение каких-то методов принуждения к труду, необходимых и в условиях строительства социализма. Экономическое принуждение было сведено на нет уничтожением частной собственности, но сохранялось использование внеэкономического, административно-командного принуждения. Эту функцию взяла на себя государственная номенклатура, опутавшая страну новыми видами насилия. Административное командование над людьми неизбежно вело к отчуждению номенклатурных управленцев от основной массы тружеников, из рядов которых они вышли и продолжали выходить.

В конечном итоге «народная» власть оказалась отчужденной от народа. Был создан, по выражению российского экономиста А. Бузгалина, мутантный социализм, который социализмом в подлинном значении этого понятия и называть-то сложно*. Не менее трудным делом оказалось выработать сегодня альтернативу семидесятилетнему пути «внедрения социализма». И уж совсем невозможно назвать действительной альтернативой обезчеловечению жизни людей путь, которым пошла после краха социализма Россия. Тем не менее ему тоже необходимо найти альтернативу.

(Окончание следует)

* Подробнее о требованиях, предъявляемых к действительному социализму, см. В. Ф. Шелике. Критерии социального прогресса. — «Коммунист». 1990. № 7.

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

Иван Яров

Лунгин в роли Эйзенштейна

Камалудин Гаджиев
Новое Великое
переселение народов

Валерий Милованов
Россия в экономических
связях Хорватии

*Алексей Маруев,
Артем Савельев*
Геополитический статус
новой России

Василина Орлова
Понятие «свобода»
в истории философской
мысли

*Владимир Бобков,
Илья Левяш*
У подножия маяка темно

Дмитрий Орешкин
От Горбачева к Путину
с остановками

Анатолий Сафронов
Компрадорская
буржуазия и проблема
«экономической отсталости»

Юлий Лобастов
Проблема насилия
в искусстве
и действительности

Сергей Мареев
Красота спасет мир

Елена Степанова
Когнитивный диссонанс

а также рецензии и обзоры
В. Шелике, П. Александрова-Деркаченко, Д. Замятина,
О. Аурова, П. Иванова, А. Чистякова

2009 / № 12 (1607)

Нужен ли нам Маркс?

Где же искать человеческую альтернативу современному состоянию мира с его новыми тенденциями развития, новыми, неизвестными прежде проблемами? В самой нынешней действительности! Дело в том, что и сегодня, как и в недалеком семидесятилетнем прошлом России, тоже существует не только обезчеловеченная, но и человеческая жизнь. Достаточно назвать массу так называемых некоммерческих организаций, целью которых является не прибыль, а помощь человека человеку — беспризорным или больным детям, немощным старикам, беженцам, жертвам террора. К их числу надо также отнести и структуры, нацеленные на помощь природе — будь то забота о собаках с кошками или глобальная защита окружающей среды.

Действительные индивиды, занятые такого рода деятельностью, сумели в нынешних условиях преодолеть отчужденный характер своего труда и найти новое поле деятельности. Они наделили себя (*Selbstbetätigung* — по Марксу) такими функциями, которые по душе им самим, нужны и людям, и природе. Сюда же надо отнести бесплатные кружки художественной самодеятельности, хорового пения, народного ремесла и т. д. В таких видах деятельности добровольные руководители кружков и участники творчества тоже преодолели отчужденный характер собственного труда. Уже на этих простых примерах видно (у подобного рода организаций, конечно, существует гораздо большее разнообразие), что очеловеченная, человеческая деятельность действительно существует и продолжает создаваться на наших глазах.

НА ОСНОВЕ ТРЕХ ИСХОДНЫХ ПОСЫЛОК Маркс и Энгельс определяют и «действительную революцию», которая виделась им как преобразующая деятельность индивидов, протестующих против обезчеловечивания их жизни. Она преобразует и действительных индивидов, их деятельность, и

ШЕЛИКЕ Вальтраут Фрицевна — доцент, кандидат исторических наук.
Окончание. Начало см.: «Свободная мысль». 2009. № 11.

материальные условия их жизни. В таком ракурсе действительная революция исходно предстает не как стрельба, захват власти, вооруженное восстание, при наличии ядерного оружия сегодня грозящие человечеству самоуничтожением. Действительная революция — это целая эпоха социальной революции, представляющей собой длительный процесс снятия обезчеловеченных отношений человечества с миром, осуществления действительной альтернативы современному состоянию мира. Это деятельность по утверждению человеческих отношений с миром. «Мир действительно может быть иным!», но путь этот долог и носит общечеловеческий характер. Начинать продвижение по нему каждый может уже сегодня, что означает для индивида ощущать потребность и иметь возможность в корне изменить характер собственной социальной деятельности и вместе с тем изменить социальные условия своей жизни.

Чтобы понять, что такое эпоха социальной революции, нужно обратиться к определениям социальной деятельности и присущих ей противоречий, сформулированным Марксом и Энгельсом. На новом уровне восхождения от абстрактного к конкретному деятельность действительных индивидов рассматривается ими как производство живыми индивидами самой материальной жизни посредством таких акций деятельности, которые «совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории и теперь». Речь идет о всеобщих, исторических актах деятельности людей. Таких всеобщих акций социальной деятельности насчитывается три: 1) создание (Erzeugen! — а не производство, как неверно дано в русском переводе) людьми средств для жизни, ради удовлетворения потребностей жизни; 2) создание людьми орудий удовлетворения потребностей и новых потребностей, ради удовлетворения потребностей жизни и 3) созда-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1. М., 1980. С. 20—21.

ние людьми людей и новых социальных отношений между людьми ради удовлетворения потребностей жизни¹. Все три стороны социальной деятельности вбирают процессы удовлетворения живыми индивидами потребностей жизни, но к ним, однако, не сводятся. Социальная деятельность, и это важно отметить, представляет собой единство актов созидания (средств жизни, потребностей, орудий удовлетворения потребностей, людей и социальных отношений) и удовлетворения жизненных потребностей (а такие потребности, кстати, тоже бывают не только потребительскими, но и созидательными).

Важно подчеркнуть, что в процессе удовлетворения таких потребностей по необходимости участвует каждый индивид, поскольку никто не может перепоручить кому-то есть, пить и одеваться за себя, а также многое другое, направленное на удовлетворение собственных потреб-

ностей. А вот в созидательной деятельности по созданию средств для жизни, орудий удовлетворения потребностей и т. д., на самом деле участвует вовсе не каждый индивид, хотя ее результаты необходимы всем. Так, например, созданием средств жизни по понятным причинам не занимаются малые дети и дряхлые старики; многие владельцы условий труда освобождают себя от последнего в силу своего общественного положения и т. д.

При этом в средствах жизни нуждаются все. Субъект социальной деятельности, таким образом, исходно раздвоен на каждого индивида в отдельности и на всех вместе. И в этом разделении субъекта социальной деятельности на каждого и всех уже таится определенный источник обезчеловечивания жизни людей. Например, если найдено и создано мало или недостаточно средств для жизни, кто-то в мире неизбежно должен умереть. Ради удовлетворения общих интересов в Спарте сбрасывали со скал хилых младенцев. В тундре по той же причине в голодный сезон умерщвляли стариков, а в Японии по сей день высются горы, куда добровольно поднимались умирать старые родители, чтобы не быть в тягость молодым, набирающим силу взрослым детям.

Так было в прошлом. Но и в сегодняшнем мире одни продолжают умирать с голоду, другие глотают таблетки, чтобы из-за переедания не набрать лишние килограммы. Подсчитано, что одних только средств, расходуемых в странах «золотого миллиарда» на элитную косметику, могло бы хватить на то, чтобы уже сегодня избавить мир от голода. И разве по сути своей это не обезчеловечивание жизни людей? Но и созданные средства для жизни могут стать источником ее обезчеловечивания, если противоречат природе человека (поддельные лекарства, просроченные продукты питания, не выдерживающие землетрясений жилища и т. д.). Такие средства для жизни, предназначенные одним, становятся средством смерти (физической или духовной) для других, обезчеловечивают жизнь людей — и тех, кто их потребляет, и тех, кто их создает для смерти других. Да и сам процесс создания средств жизни для индивида может быть актом не созидательным, а разрушительным (физически непосильный труд, психически губительное однообразие труда на конвейере, муки совести из-за участия в изобретении орудий массового уничтожения людей...). Так что и здесь обнаруживается источник обезчеловечивания жизни людей.

Полна противоречий и вторая сторона социальной деятельности. Все сказанное о первой стороне проявляется и здесь — в процессе создания орудий удовлетворения потребностей. Добавим: созидание новых потребностей таит источники обезчеловечивания жизни людей. Потребность многих индивидов в алкоголе или наркотиках, разрядке агрессии на ближ-

нем, ведении войны и т. д. — все это потребности, удовлетворяемые за счет жизни и даже смерти своей или чужой. Не случайно задачу изменений потребностей людей в свое время поставил перед человечеством уже Римский клуб.

Третья сторона социальной деятельности — это создание людьми людей и отношений между ними. Противоречия здесь просто очевидны. Люди создают людей в процессе деторождения, но сколько демографических проблем обрушилось сегодня на человечество, сколько личных трагедий таится за этой всемирной проблемой! Вот где непочатый край для активной альтернативной деятельности по очеловечиванию отношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, младшего поколения со старшим и т. д.!

Но люди создают людей, не только продолжая человеческий род. Этот процесс реализуется и посредством выработки, а также передачи потомкам социальных типов поведения и соответствующих им отношений между людьми. Это создание социального индивида (собственно социализация) происходит не только в семье, но и в трудовом коллективе, в городе и деревне, армии, школе, религиозной общине...

В меру своей осведомленности каждый читатель найдет в этих процессах массу примеров все того же обезчеловечивания жизни людей. И одновременно — примеры наличия и человеческих отношений, как унаследованных от прошлого, так и создаваемых в настоящем. Уже поэтому поиск альтернативы современному состоянию социальной деятельности (созданию средств для жизни, современным потребностям и орудиям их удовлетворения, а также существующим социальным отношениям) далеко не легко. Но он не безнадежен. Более того, многое в мире уже действительно делается именно в этом направлении, притом не только индивидуально, но и посредством различных общественных, в том числе и всемирных, организаций («Красный Крест», «Врачи без границ» и др.). Даже органы контроля за качеством продуктов, попадающих на прилавки, могут быть отнесены в разряд пытающихся преодолеть обезчеловечивание современной жизни людей.

Все это следует только увидеть, исследовать и всесторонне поддержать как уже реально существующую альтернативу обезчеловечиванию. Выше уже упоминалось о девизе, под которым собираются на всемирные социальные конгрессы люди альтернативных взглядов и альтернативных действий, — «Мир может быть иным!». Таким образом, на наших глазах консолидируется всемирный субъект альтернативной социальной деятельности, именно всемирный, ибо альтернатива современному состоянию мира должна быть такой. А может быть, мы, сами того не сознавая, вправе сказать себе, что давно уже вступили в эпоху социальной революции?

Не сознаем же мы этого по одной причине: все еще придерживаемся прежних, стереотипных представлений о революциях, происходивших в XVIII—XIX, а также в XX веках. В действительности же все предшествующие революции следует назвать лишь частичными. Они не оказались неспособными преодолеть вековое обезчеловечивание человеческой жизни, порожденной противостоянием людей природе и людей людям в социальном процессе их жизни. Но ведь это противостояние многие люди в современном мире сейчас и стремятся преодолеть, более того — даже преодолевают на уровне личной жизни. А всемирные социальные конгрессы пытаются объединить таких действительных индивидов, принадлежащих к самым различным социальным слоям современного общества. Не забудем: Ф. Энгельс всю жизнь был капиталистом! И это несколько не мешало ему быть убежденным и последовательным борцом за социальный прогресс...

Следует отметить, что в рамках бытующих сегодня идейных представлений, как и идеологии, господствовавшей в СССР в период строительства социализма, произошло весьма характерное сужение так называемой социальной сферы. Она была и остается сведенной к удовлетворению первичных потребностей жизни действительных индивидов в пище, одежде, жилище да плюс еще в образовании, медицине, семье. Сегодня сюда норовят прибавить и ЖКХ. Эта усеченная, очень расплывчато обозначаемая, в определенном смысле потребительская сфера жизни к тому же финансировалась и финансируется в последнюю очередь да еще и по остаточному принципу. А все три стороны созидательной социальной деятельности людей оказались как бы выброшенными из социальной сферы и существуют как бы отдельно. В результате теряется открытая Марксом и Энгельсом целостность социальной деятельности людей, соответствующих социальных отношений людей к природе и социальных отношений людей к людям; утрачивается созидательный, развивающий самих индивидов характер социальной деятельности.

ВЫДЕЛИВ В «НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ» три стороны исходных определений социальной деятельности, Маркс и Энгельс пришли к такому выводу: на этой (трехсторонней!) основе возникает четвертое отношение. Создаваемое совместными действиями, «вместедействием» (*Zusammenwirken*) действительных индивидов, возникает сообщество людей, общество. Следует подчеркнуть, что социальные и общественные отношения, равно как и социальная и общественная деятельность, не суть одно и то же. Между тем среди обществоведов широко распространено отождествление социальных и общественных отношений как неких синонимов.

Для исследователей произведений Маркса на русском языке дело осложняется тем, что при переводе социальное и общественное нередко смешивались: там, где у Маркса значится «общественное», в текст попадает «социальное» и наоборот. В результате в недавнем советском прошлом социальная деятельность чаще всего рассматривалась лишь как деятельность людей, объединенных в отдельные общности, а в число субъектов социальной деятельности включали только социальные группы, классы, страты и т. д. Из социального процесса жизни теоретически оказывался изъятым отдельный, живой, действительный индивид с его индивидуальной жизнью и интересами, собственной картиной мира. Вместо живых людей, каждый из которых наделен волей, страстями, потребностями, обществовед и политик вынуждены были иметь дело с «классами», «массами», «электоратом», «социальными группами» или «народом». Тем самым социальные теории дегуманизировались, а политика обезчеловечивалась, ибо действительного индивида, вроде бы и не существующего в природе, можно было попросту игнорировать. «Единица — ноль!» — так искренне писал поэт, сам, однако, не выдержавший такой жизни, сведенной к нолю. В результате обществоведение далеко ушло от открытого Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории, в котором, как было показано выше, даже в исходном определении социальной революции большую роль играет отдельный действительный индивид.

Для Маркса менее всего характерна избыточность терминов, и если им использовались понятия «социальная деятельность» (три исторических акта деятельности каждого и всех) и «общественная деятельность» («вместедействие», деятельность всех как единого целого), то за этим скрывался вполне определенный смысл. Суть дела здесь заключается в следующем: субъектом социальной деятельности является каждый среди всех, а субъектом общественной деятельности, субъектом «вместедействия» оказываются все индивиды в совокупности, действующие как целое. Соответственно, и социальная деятельность отличается от общественной, а социальные условия жизни людей — от общественных. Это происходит хотя бы потому, что у людей существуют личные и общественные интересы, которые в действительности могут вступать, а часто и вступают в противоречия.

Общество, по Марксу и Энгельсу, возникает в процессе производства и общения, что, соответственно, исследуется через следующий категориальный ряд: «производство», «общение» (*Verkehr*) и «общество». Перед нами, таким образом, еще одна триада, еще одна «клеточка», используемая Марксом и Энгельсом для исследования истории, этого практического процесса развития человечества. Речь, по существу, идет о новых, более конкретных определениях всеобщих родов деятельности людей,

существовавших и продолжающих существовать на всем протяжении истории человечества. Не имея возможности подробно останавливаться на всех определениях предлагаемой триады понятий «производство»—«общение»—«общество», ограничусь лишь некоторыми аспектами ее значения.

В современной литературе более всего разработано понятие «производство», хотя его исходные определения и не столь популярны. Изначально оно определяется Марксом и Энгельсом как производство жизни людей: производство средств для жизни, производство потребностей жизни и орудий для удовлетворения жизненных потребностей, производство людей и отношений между людьми. Иными словами, на всем протяжении истории человечества это понятие объединяет все три всеобщие, созидательные стороны социальной деятельности.

НА КАЖДОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТУПЕНИ РАЗВИТИЯ человечества оно характеризуется определенным *способом производства* — тем, что и как производится. Это положение хорошо известно и уже давно прочно вошло во все учебники. Естественно, более всего сегодня исследован капиталистический способ производства с присущими ему противоречиями. И здесь, в противоречиях современного капиталистического способа производства, левые течения активно вскрывают причины того, почему мир может и должен стать иным. Статей и монографий на эту тему написано великое множество. Но одного этого мало. Ибо не только способ производства определяет состояние общества. Не меньшую роль в нем играет и форма общения. Это важно понять, поскольку только так достигается целостность анализа состояния общества.

Вот простой пример: как бы высоки ни были показатели производства, скажем, материальных средств жизни для нужд промышленности или сельского хозяйства, они еще ничего не говорят о действительном состоянии общества. Другое дело, если в соответствующие показатели включены такие данные: сколько из произведенного действительно доставлено из села в город, прибыло из города в село, переправлено от завода заводу, а сколько продукции лежит на складе, мокнет под дождем или просто оказалось никому не нужным? Тем не менее в недавнем прошлом в отчетах партийных съездов постоянно фигурировали одни лишь показатели производства; они-то и вызывали бурю аплодисментов. Аплодисменты гремели, а экономика хирела! Ибо при подобном хозяйствовании продукт может быть произведен и впустую. Ведь на самом деле произведенный продукт должен не лежать на складе, а прийти «в движение», поступить в сферу коммуникации (материальной или духовной).

Без общения (коммуникации) ни дом не построить, ни детей не обучить элементарной грамоте.

В истории человечества передвижение произведенного продукта производства между действительными индивидами осуществлялось и осуществляется в самых различных актах их деятельности: через распределение, обмен, войну, дарение, грабеж, приватизацию... Всю деятельность людей по осуществлению циркуляции произведенного продукта (средств для жизни, орудий удовлетворения потребностей, самих потребностей, людей и отношений между людьми, а также идей по поводу всего этого) Маркс и Энгельс объединяют в одно понятие «Verkehr», подразделяя его на Verkehr материальный и духовный. Этот всеобщий род деятельности людей (без общения и дети на свет появиться не могут, а следовательно, без общения не будет людей и прекратится всякая история, как прекратится она и без производства средств для жизни) начисто выпал из советских учебников по истмату, знакомивших студентов с материалистическим пониманием истории. Большой вины авторов в этом, однако, нет, поскольку данное понятие просто исчезло как определенная категория из-за обилия вариантов перевода слова «Verkehr» в русских переводах произведений Маркса и Энгельса, написанных после 1846 года.

В результате получило распространение представление, будто термин «общение» вообще был характерен лишь для раннего этапа творчества основателей марксизма. Он, мол, использовался только в работе «Немецкая

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1. С. 568. Примечания. идеология», и в нем, как убеждали комментаторы, «нашло выражение формировавшееся тогда у Маркса и Энгельса понятие “производственные отношения”»². Однако такая точка зрения совершенно неверна, и людям, читающим Маркса в подлиннике (на немецком языке), подобная идея просто не может прийти в голову.

идеология», и в нем, как убеждали комментаторы, «нашло выражение формировавшееся тогда у Маркса и Энгельса понятие “производственные отношения”»². Однако такая точка зрения совершенно неверна, и людям, читающим Маркса в подлиннике (на немецком языке), подобная идея просто не может прийти в голову.

На самом деле Verkehr фигурирует и в «Капитале». Даже определяя предмет своего исследования в этом основополагающем труде, Маркс совершенно определенно и недвусмысленно пишет и об общении: «Предметом моего исследования являются капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и отношения общения (Verkehrsverhältnisse)». К сожалению, Verkehrsverhältnisse

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 6. было ошибочно переведено на русский язык как «обмен»³. Разноголосица в переводе Verkehr не случайна, ибо семантическое значение немецкого Verkehr очень богато. Оно одновременно обозначает акт продолжения человеческого рода между мужчиной и женщиной, вращение человека (в обществе), общение человека (с другими людьми), дорожное, железнодорожное, автомобиль-

ное, авиационное движения внутри одной страны (внутреннее общение—коммуникация) и сухопутное, морское движения между странами (внешнее общение—коммуникация). Но, кроме того, глагол *verkehrten* означает еще и искажение, чем Маркс и Энгельс воспользовались, введя понятие искаженного мира, который люди сами же и создают, искажая свое производство, общение, общество, а тем самым и мир.

Деятельность людей в процессах общения—коммуникации как один из видов вбирает, конечно, обмен и распределение. Но одновременно также дарение и захват, торговлю и войну, переселение народов, распространение знаний и многое другое, в том числе и искажение непосредственно индивидами собственных отношений с миром — причем с миром как природы, так и людей. Формами общения (коммуникации), соответственно, являются семья, род, цех, мануфактура, фабрики, армия, религиозные общины, школа, вуз и многие другие человеческие общности, внутри которых и между которыми люди осуществляют общение с людьми. Совокупность общностей не только производства, но и общения, собственно, и составляет структуру общества.

Из сказанного следует, что альтернатива существующему искаженному миру не может быть найдена, если искать ее источники только в разрешении противоречий капиталистического способа производства, что само по себе, конечно, очень важно. Но не менее значимо одновременно проанализировать и источники противоречий в современных формах общения, а также способы их разрешения. Именно в сфере общения (коммуникации) сегодня появилось новое средство — Интернет, предоставляющий совершенно иные возможности для общения и организации действительных индивидов в новые (не иерархические, а горизонтальные) сетевые общности. Например, используя Интернет, связываясь по мобильному телефону в марте 2005 года, совершенно не знакомые друг другу люди собирались вместе на ночных улицах Бишкека, чтобы отстоять от мародеров магазины, владельцами которых они даже не были. И отстояли.

Как представляется, в условиях сохраняющегося мирового господства капитала очеловечивать сегодня процесс производства (труда) на крупных индустриальных предприятиях, тем более ставших транснациональными (всемирными), труднее, чем в корне менять форму индивидуального общения человека с коллегами по работе на мелких предприятиях, особенно занятых в сфере обслуживания (то есть в области общения), а также в кругу родных, знакомых и т. д. (что тоже есть сфера общения). Через новые, человеческие общности (некоторые примеры которых были приведены выше) в недрах существующего общества, по существу, закладываются «клеточки» новых форм общения, нового, человеческого, общества. Есть основания

полагать, что общению в этом процессе принадлежит даже главенствующая роль.

Маркс и Энгельс доказывали, что уже при капитализме общение (в виде мирового рынка) определяет производство, диктуя ему, что и как следует производить в той или иной стране. А через искаженный, обезличенный Verkehr (общение) люди создали искаженный мир (verkehrte Welt) — искаженный мир природы и искаженный мир людей. Но, может быть, в первую очередь именно через человеческий Verkehr людям уже сегодня удастся сделать мир хотя бы немного иным? И превалирование общения над производством будет нарастать по мере того, как из про-

⁴ См.: **A. Dick**. Befreiung von der Arbeit. — «Utopie kreativ». 2006, Januar. Н. 183. S. 73–76. производство все более и более будет вытесняться живой человеческий труд, то есть будет происходить «освобождение от труда»⁴.

Используя как ключ рассмотренную триаду понятий «производство» — «общение» — «общество», Маркс и Энгельс определяют в «Немецкой идеологии» и коммунистическую революцию. Она предстает

⁵ **К. Маркс, Ф. Энгельс**. Избранные произведения. Т. 1. С. 70. как низвержение «прежнего способа производства и общения (Verkehr), а также прежней структуры общества...»⁵.

Коммунистическая революция — это переход человечества к человеческому обществу, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁶.

⁶ **К. Маркс, Ф. Энгельс**. Сочинения. Т. 4. С. 447.

Источником всех коллизий в истории, в том числе и наступления эпохи социальной революции, является совокупность противоречий: не только между производительными силами и способом производства (производственными отношениями), но и между производительными силами и

⁷ См. **К. Маркс, Ф. Энгельс**. Избранные произведения. Т. 1. С. 56, 23. формой общения, а также между производительными силами и обществом (общественными отношениями, общественным состоянием)⁷.

В заключение следует остановиться еще на одном направлении, необходимом для выработки альтернативы современному состоянию общества. Оно связано с тем, что социум и сам разделен на гражданское общество и государство. Исходно последнее есть такая сфера жизни людей, в которой выражается всеобщий интерес действительных индивидов, осуществляющих определенные акты деятельности в определенных материальных условиях их жизни. А гражданское общество исходно есть такая

⁸ См. **К. Маркс, Ф. Энгельс**. Сочинения. Т. 1. С. 316–317; 324–325. сфера жизни людей, в которой в первую очередь выражается личный, индивидуальный, частный интерес действительных индивидов⁸, занятых определенными

видами деятельности в определенных материальных условиях.

В гражданском обществе действительные индивиды «разбросаны» по различным отраслям материального производства и общения. Они заняты производством в сельском хозяйстве, торговле, промышленности и общаются в семье, магазине, на своем предприятии и т. д. Здесь протекает ежедневная, действительная, а не воображаемая личная жизнь действительных индивидов, и именно гражданское общество является действительным очагом и ареной истории⁹. В гражданском обществе и начинается действительный протест человека против обезчеловеченной жизни, более того, и «социальная революция... исходит из точки зрения отдельного действительного индивидуума...»¹⁰. В недрах гражданского общества многие действительные индивиды по личной инициативе, сообщая со своими единомышленниками создают новые человеческие отношения людей к природе и людям, преодолевая обезчеловечивание своей жизни. В результате они сами создают новые сообщества, и на место гражданского общества, превратившегося в мир разрозненных атомов, постепенно приходит общество новое, человеческое, в котором люди действительно «вместедействуют» (Zusammenwirken), а не противодействуют (Gegeneinanderwirken) друг другу.

Если исходить из определения гражданского общества как сферы индивидуальных, личностных, частных интересов действительных индивидов, то теряет смысл распространенная ныне точка зрения, будто в сегодняшней России еще нет гражданского общества. На самом деле оно давно существует и даже находится в достаточно активном противостоянии государству. Это противостояние проявляется, например, в виде почти поголовного недоверия к милиции, суду, даже к армии и частично к правительству. Но гражданское общество в России, конечно, еще не структурировано таким образом, чтобы не стихийно, а сознательно, через свои организации, действительно определять политику государства. В результате последнее все еще располагает обширным полем для волонтеристских действий, хотя на самом деле именно гражданское общество определяет характер и деятельность государства, а никак не наоборот. Но, поскольку действительные отношения гражданского общества и государства как бы «переворачиваются» с ног на голову, у действительных индивидов возникает иллюзия, будто вся их жизнь зависит от государства. И не любя государство, не доверяя его органам, многие, тем не менее, все еще ждут от него чуда и не прилагают никаких усилий для очеловечивания жизни у себя на предприятии, в торговой точке, на селе, в семье, домовом комитете и т. д. Сохранение такого перевернутого сознания людей наряду с многими другими негативными факторами делает возможным возвращение государства к тоталитаризму.

Тема отношений гражданского общества и государства, равно как и все другие поднятые вопросы, конечно, не исчерпывается сказанным. Задача статьи состояла лишь в одном: обозначить направления поиска действительной альтернативы современному состоянию мира, в свое время открытые и разработанные Марксом и Энгельсом на основе всеобщих, действительных отношений человечества с миром, но «потерянные» при строительстве социализма в Советском Союзе. Нет сомнения, что многое в теории и практике Маркса и Энгельса было связано с конкретно-историческими условиями жизни, деятельностью людей и самими людьми XIX века. Век XXI вносит колоссальные изменения в сформировавшиеся тогда идеи и представления. Тем не менее методология анализа исторической действительности, оставленная нам в наследство Марксом и Энгельсом, и сегодня дает возможность целостного подхода к поиску альтернативных путей развития человечества.

